

тонкие линии

СЛОВНО
РОДИНА
МОЯ

ЮРИЙ
СОЛОМКО

– тонкие линии –
выпуск десятый

Юрий Соломко

Словно родина моя

Днепр
Герда | 2021

УДК 82-1
С60

Юрий Соломко родился в 1986 году.

Окончил Украинскую инженерно-педагогическую академию.

Книга "Школа радости" (М.:АРГО-РИСК, 2013). Публиковался в журналах «©оюз Писателей» и «Урал», на сайте «textonly».

Шорт-лист премии "ЛитератураРентген" (2008, 2011), лонг-лист «Русской премии» и премии «Дебют» (2013).

Трудился курьером и сортировщиком; сторожем; массажистом; работником в садах Чехии; опекуном в Германии.

Живет в Харькове.

I. СМЕРТЕЛЬНЫЕ ПЕСЕНКИ

камни

время обрывать лепестки
и зеленые листья
с корнями вырывать стебли
собирать цветы
и цветы разбрасывать

Русская ода

Твори, твори, лоно Отечества,
лучистые миры и солнца города!
Всея Руси Фея Победная,
великий наш народ славит тебя!

Священная манда, о чудо безлимитное
опричных смутных наших дней,
ты испокон тирану верная,
но не стране истерзанной моей!

В глазах твоих, как в ясном омуте,
вся жизнь его отражена.
Умрет и он, но над могилою
[мерцающая всегда]
не шелохнется его звезда!

Памятник

★

не пью я горькую микстуру
а в рот ебу литературу
любимую литературу

я хуй точил в литературу
я танцевал литературу
я умирал в литературу
я ублажал литературу
я так любил литературу
я огурец в литературу
зеленый огурец в макулатуру

ты что ты что, я никогда не обижал литературу
ты что ты что, я никогда не проклинал литературу
ты что ты что, не поднял руку на родную я никогда

★

в пустыне призрачной из слов
мечтою дерзкою томимый
я петь хотел
я спеть хотел
и чуть не спятил

вот я который я
вот корни ветви
вот кора
вот основание ствола
вот мудрая твоя змея
а вот зерно
как червь оно
а в небе
танцует серебро

*

ебу я русскую литературу
как вольную, но крепостную дуру
как на само себя карикатуру

я так любил литературу
я украшал литературу
и я чинил литературу
как примус починял литературу
до дома провожал литературу
от хулигана защищал литературу
носил портфель литературе
дарил цветы литературе
любовную лирику писал

ты что ты что, я никогда не уходил из литературы
ты что ты что, я возжелать литературу не посмел бы
ты что ты что, не гневался на родную я никогда

*зачем литература? зачем уходит от меня? зачем
не возвращается в меня? как полнокровное
сердечко она была внутри меня. все согревала. все
собой отогревала. исцеляла все собой. всего меня
долюбивала и отогревала. как будто я родной.
как будто я самый родной. как будто долгожданный.
любимый, свой. зачем не возвращается в меня?
зачем оставила меня? зачем я, как кукушкино дитя?*

★

не зарыдает обо мне литература
великая родная партитура
и не спасет меня
и не споет меня
моя макулатура

слух обо мне
не прогремит
по всей стране
тем более
огромной

и гордый Пулемет Владимир
и армянин лихой
и украинец вольный
и до поры
смиранный белорус
и друг степей казах
до края
обозленный

не призовет меня
народов глас
на общий
весельем вечер
полный
не назовет меня
всяк сущий в ней язык
своим

**смертельная
лесенка**

вино становится водой,
любовь — виной,
а тело Вани — запятой:

Фома Иванович — землей,
Иван Фомич — землей,
Степан Иванович — перегноем и землей,
Дмитрий Степанович — землей,
Александр Дмитриевич — землей,
Юрий Александрович — землей
и Павел Юрьевич:

хорошо, что нет войны,
хорошо, что нет страны,
хорошо, что смерти нет:

мир/
родина

как мужчина выебанный в рот/жопу
как сваленные в выгребную яму остывающие тела
как отрезанный/отброшенный в сторону

хуй/
указательный палец

II. ПАМЯТЬ

Сердце

Расскажи, для чего мы? Помолчи со мной об опустевших дворах. Побудь в этом старом времени! Приложи свое ухо к замочной скважине. Послушай, как накатываются волны минут. Спой о том, что домой не вернуться. И плачь, если плачется. И танцуй! И смейся! Говори... О том, что небо над городом тяжелое. О том, что каждый день новый. О том, что любовь пахнет дождем летним. О том, что все дороги сходятся в одну. Только пой песню! Только будь рядом плечом своим! Пой о том, что мы никуда не придем. О том, что мы в своем храме. О том, что дыхание твое горячее. И горькое, как чай. Из листьев смородины. О том, что сердце твое большое. Верное. И непостоянное. Как маленький мальчик. Как маленькая девочка. Как... трехлетка.

Вечный огонь

Возвращались из школы. Держались за руки. Шли через парк. Одна девочка. И два мальчика. Была осень, была зима, была весна... Несли ее ранец, как птенца с перебитым крылом. Сначала я. Потом он. А может, сначала он. Потом я. Стояли возле Вечного огня. Рядом с плитами. А на плитах – имена и фамилии... Нам не было больно! Для нас это были просто имена. И просто фамилии. Вечный огонь не горел. Но мы были вместе. И нам было тепло.

Теперь здесь табличка с названием парка. Обновленный барельеф. И Вечный огонь горит. Только вот смотрю на фамилии погибших, а вижу... Тех мальчиков и ту девочку. И думаю о них. С нежностью, грустью и трепетом... С горячей безысходной яростью! Как, уверен, и следует вспоминать своих возлюбленных, неприкаянных бунтарей... И покойников.

Остров

Остров уплыл! Полон песка, ив. Разомлевших пенсионеров. Одуревших от жары детей. Уплыл! Не снится. Не зовет к себе. Нежно по имени не призывает. Остров длинных дней. Щедрого солнца. Ночей июльских. Не снятся больше. Ни мост через реку. Ни звуки рынка. (Он за мостом. В паре километров). Не снятся теперь. Бабушка и ее внук. Она не спрашивает его: хочешь кушать? Не чистит ему яичко. Не гладит его по спине. Остров уплыл! Выцветшие плакаты. О безопасном поведении на воде. Об оказании скорой помощи потерпевшему; Аллеи к мосту. В уродливых трещинах, как женщина в послеоперационных шрамах; Оставленные. Покинутые. Забытые. В высоком камыше катамараны.

Река

И автомобили один за другим исчезают за поворотом.
И вольная набережная под женскими ступнями.
Вдаль бежит. И река течет. Как минута. И деревья с
вкраплением багрового и золотого. Торжественны.
И ветви их колыхнутся на ветру. Как тюлевые
занавески. И медленные рабочие по ту сторону реки.
Собирают к обеду. Раскладывают нехитрую пищу.
На грубых досках. Бетоне. Сколоченных наспех
козлах. И мост через реку. И силуэт многоэтажки в
глубокой воде. И пряткие курьеры. На велосипедах.
С красными и желтыми рюкзаками. Мчатся. Как через
целую жизнь. И мальчик. И женщина. На самокате.
Как в пироге. Плывут. И пожилая пара. На том
берегу. Как на засвеченном фотонегативе. И колонна
автомобилей. Как колонна солдат. И слышны голоса.
И гулкий. (Тревожный!) Звук сирены скорой помощи.
Над рекой. Каждую четверть часа. (Каждую четверть
застывшего времени). Как сигнал об отравлении
парома. Будто из мира живых. Словно в мир мертвых.

Короткий метр

Советский фильм середины 80-х «Курьер» заканчивается таким эпизодом: главный герой Иван спрашивает своего приятеля, о чем он мечтает. Базин (так зовут приятеля) мечтает о теплой куртке. «Мне все равно скоро в армию, а ты на вот, – снимая с себя пальто и протягивая его товарищу, говорит Иван, – мечтай о чем-нибудь великом!» Он прощается с Базиним и уходит. Ему навстречу идет солдат. С медалями, орденами, шрамом на лице. В руке военного чемодан. Взгляды солдата и Ивана встречаются.

Вверх экрана ползут титры. Зритель смотрит перед собой расфокусированным взглядом. Титры продолжают ползти вверх.

Сейчас самое время для ремейка того перестроечного фильма! Если бы я был режиссером и снимал бы новый вариант «Курьера», в своем кино я обязательно оставил бы эту сцену: главный герой Иван спрашивал бы своего приятеля, о чем тот мечтает. Базин бы говорил, что мечтает о теплой куртке. «Мне все равно скоро в армию, а ты на вот, – говорил бы Иван, – снимая с себя пальто и

протягивая его товарищу, – мечтай о том, что для тебя по-настоящему важно!» Он прощался бы с Базиным и уходил. Ему навстречу шел бы солдат. С медалями, орденами, шрамом на лице. В руке военного был бы чемодан. Взгляды солдата и Ивана встречались бы.

Мой фильм был бы короткометражным. Мой фильм состоял бы только из этого эпизода.

Ванька

Соседка сказала: «С Ванькой беда». Потом я услышал еще от кого-то. Через неделю на улице, на которой мы выросли, об этом судачили уже вовсю. В соцсетях появилась запись: «Взял в руки оружие. Погиб, как мужик. Ему было 27». Первое время я успокаивал себя тем, что его жена Катя, вывесившая в интернете эту байдю, просто паникует. Обычная бабья истерика! Катя и его родители оббегали все городские морги. Тела Ивана там не было.

На «девять дней» мы собрались через три недели после его смерти. Друзья детства. Почти все с одной улицы. Почти вся наша компания. Пока ехали на кладбище, Юля пересчитала цветы. (Когда продавщица их паковала, один упал на асфальт. Антон спросил: «Этот тоже наш?» — И нагнулся за цветком. — «Нет, не ваш, молодой человек». — И забрала его обратно). «Все таки Ванькин был, — сказала Юля. В букете — нечетное как для живого».

Поминали в пиццерии. Чуть ли не напротив родительского дома Ивана. Ванька и нас здесь знали, поэтому вопрос о том, чтобы пронести и

распивать свое бухло, не подымался в принципе. И так понимали, что можно. А если бы спросили, хозяин дядя Женя непременно бы пристыдил: вы че, как не родные?

По одну сторону стола сядут девчонки, по другую — пацаны. «Странно мы как-то сели», — начнет Димон. Разглядев напротив себя полную стопку и пустой стул, растеряно улыбнется. Но найдется и скажет. (Слушая Диму, буду машинально напевать: что мол ничего не изменилось, все как всегда — тоже небо, опять голубое... А Ванька? А что Ванька? Просто вышел покурить, не позвав с собой... Может, хотел телке очередной позвонить? И вот пройдет минута: он договорит и вернется...)

«Смотри-ка, — скажет Дима, — мы парня в землю, а он... в своем репертуаре, — продолжит мысль, указывая взглядом на пустой стул, — левый бок Настя с Юлькой подпирают, значит, а правый — Элька с Олькой... За Ваньку, ребята! Ух, и бабник был! Светлая ему память... Да не чокаюсь же, ребята. Не чокаюсь!»

Бутерброд с вареной сгущенкой

1

Я топчусь на бабушкиных ступнях. Мне нету и трех лет. Бабушка месит тесто. До столешницы кухонного стола я достаю только ладошками. Но уверен, что помогаю. Я совсем маленький: все что знаю – я знаю наверняка.

Вот, к примеру, часы на взрослых мужских запястьях папы и дедушки. И на тонком изящном мамином. И еще часы в каждой из комнат – настенные над кроватью и будильники у диванов: **БЕСПОЛЕЗНЫЕ КРАСИВЫЕ ИГРУШКИ.**

Взрослые уверены, что часы нужны для удобства. (Да и просто радуют глаз). Чтобы везде вовремя успевать. Не опаздывать. Планировать свое время. А мне-то известно...

Настенные и будильники, наручные и, скажем, на цепочке, электронные и механические – в общем, любые – они для другого. Чтобы пропустить важное. Чтобы знать только фрагменты себя и своего опыта. Чтобы бесполезно и мучительно копаться в прошлом, когда подрасту. Чтобы собирать себя заново, обнаружив, что я в игре. (Играю в чужую). Для того,

чтобы однажды, *если очень повезет*, заметить, как плотно обтекает; и как вертит; и как не спрашивает; и как не считается со мной. (Время).

2

Я держу руку (или руки) в трусах. Все-таки, руки. Мне, наверное, года четыре. И я держу их там. И в этом нет никакого сексуального подтекста. И даже исследования своего тела в этом никакого нет. Просто руки в трусах. «Убери руки! Убери руки, я сказала». Это бабушка. Взрослые всегда где-то неподалеку.

Мне, наверное, лет шесть. Соседским девочкам пять и четыре. Мы по очереди приспускаем трусы. Они показывают свои писи друг другу с таким же азартом и стыдом, с каким демонстрируют их мне. Но как-то мельком. Скомкано. Я же показываю им свой писюнчик долго и с гордостью. И чувствую, что я на коне. И думаю, что взрослый. И абсолютно уверен, что генерал. И что не хуй ровесницам предьявляю! А даже, как будто руковожу парадом военных.

Я в летнем лагере отдыха. Мне восемь лет. Моему другу Ване тоже, а его двоюродной сестре Яне шесть. Мы в женском туалете. Наша подружка

почти школьница, а значит правила у игры уже сложнее. Яна просит меня задрать ей низ сарафана и придержать его над бедрами. А Ваню – спустить с нее трусики. Мгновение она испытывающе смотрит на нас: «А сейчас, говорит, я буду кричать». И верещит... прекрасная маленькая сука.

3

Мы стоим на холодном еще не прогретом кафеле в душевых кабинах. По нам стекает мыльная вода. По проходу между душевыми и шкафчиками для вещей шастает тетка в белом больничном халате. И покрикивает: «Мойтесь получше. Мочалочкой! Мочалочкой! В бассейн пускаем только чистюль». Мы пошло шутим и натужно смеемся. Всем своим видом стараясь показать, что не смущены. Я силюсь не обращать на эту паскуду внимание. Но не очень-то получается.

Наши одноклассницы совсем близко. Через стену от нас. Из-за этого еще нестерпимее. Там же физрук Борода. Шлепает по проходу, гоня грязную воду и приговаривая: «Стыдно, вам должно быть! Взрослые уже совсем женщины, а так набрызгиваете». Перед началом урока нас проверяют «на соответствие санитарным нормам». Скребут чем-то

металлическим наши пятки и шеи. Под улюлюканье одноклассников полдесятка мальчиков и несколько девочек отправляют домываться. Пару ребят под дружный гогот возвращают в душ третий раз. Девчонки в закрытых купальниках и резиновых шапочках. Мы с короткими стрижками и довольными лицами. У многих заметно топорщатся плавки. В помещении бассейна сильный запах хлорки. Я рассматриваю одноклассниц. Мы все их рассматриваем. Девочки хихикают и переговариваются.

4

Феноменально высокая, ростом с нашу первую учительницу уже во втором классе Вита Гук; Сережа Максименко с полными щеками и огромным ранцем за спиной; всегда растрепанная, бегущая по коридорам школы в никому не ведомом, кроме нее, направлении Катя Гулакова; сидящая за партой чуть сгорбившись, знающая все назубок и нерешительно поднявшая тоненькую руку, да так и оставшаяся в моей памяти Марина Шип; Пашка Бесценный, при разговоре прикрывающий рот ладонью; потомственная артистка Катя, еще в третьем классе уехавшая с родителями в более сытый город и цирк;

юркий, говорящий скороговоркой Руслан Слатюк, при каждом шаге пинающий сумку со сменкой; Артем Барчан, Барчанятко, как называла его Любовь Иосифовна, а вслед за ней и мы; два брата с разницей в 50 минут Леша и Сережа Кадыгробы, абсолютно непохожие друг на друга внешне и по характеру, как обычно и бывает с двойняшками; неугомонный спорщик и мой сумасшедший друг Саша Никитин, маленькие женщины-кокетки Аня Панасенко и Лена Бондаренко... вы все мне снится. Вместе с ребятами из университета, с дворовыми друзьями, с коллегами по работе. Вперемешку. Скопом. Мы играем в квача, задорно и без тени усталости носимся по огромному для нас, малышей, периметру школы. И нас не могут уговорить никакие старшеклассники с красной повязкой на рукаве и никакие учителя! И почти всегда, когда веселье достигает апогея, когда счастье становится настолько интенсивным, что, кажется, его невозможно вынести, я замечаю, что с этой девочкой я учился совсем в другой школе, этот мальчик из летнего лагеря, а завуч начальных классов и вовсе мой вузовский преподаватель доцент Копытин.

III. ДОРОГА

ЗОВ

пух тополиный шамэн
слово совиное шамэн
пустое полое мертвое
живое полое пустое
дерева голос
ветер сухой
огонь

зов

тропа

имя

Молоко

Раньше любил рассказывать фильмы. Сейчас люблю, когда фильмы рассказывают меня.

Как правило, кино уже есть. Мое дело в кадр корректно войти. Но без понта засиживаться.

Так много интресного!

Играть, во что не играл. Делать, что не делал. Чувствовать, чего не доводилось!

Вживаться в роль? Прыжок... Восторг мой и ужас! Кто я? Где?

А персонаж – скоморох, шут, дурак. Чтоб из молока кипящего вынырнуть / родиться!

Открывать в себе. Доставать из себя! Понимать: айда сукин сын! И тут же, что не смогу повторить этого ни-ког-да. Это счастье и есть. Мое!

Ода пути

О, безумие океана,
темнота воды,
о, сокрытая сторона
его лица,
о, защита моя,
плащ цвета волны,
о, солнце во рту,
в рукаве луна!
Если в этом правда
моего живота,
если в этом
смех Твой
и огненный вихрь,
то команда
предвидит своего моряка,
то корабль
в порту стоит:
уповает на светило
и ветра крыло,
ждет сигнал капитана
поднять паруса!

Коля и пустота

I

Беги, Коля, беги!
Оставь себя позади,
найди впереди,
с тем и иди.

Танцуй, Коля, танцуй!
Нарисуй на бумаге хуй,
дорисуй простой кружок,
и еще один.

Вой свою песню, пой!
Протекает во мне река,
не кисельные берега —
бешеное молоко.

II

Барышня смерть с Колей
нежна. Ничего внутри —
шепчет ему — это она.
Все, что есть, — это она.

Кольку вбирает в себя
пустота. Вращает в себе

вода. Выталкивает
на поверхность.

Николка выходит из вод,
взору его предстает:
обитаемая земля,
таинственная земля,
райский остров.

**смеяться и падать,
подниматься и хохотать**

ни вода
ни огонь
ни лодка

весло
или деревяшка для игры в лапту
или мяч
или удар по мячу
или необдуманный прорыв

падаю
(тону)
в темное русло
из мягкой земли
поднимаюсь

я —
смех
путешествие
река
смерть
яблоко
отчаянье

вой
ебля
(животных)
полет
(жука)
танец
(человека)

Быть

Хочется смеяться. Хохотать! Со сотрясанием живота.
С легким похрюкиванием. Хочется Богом быть!
Его частью. Рукой, ногой. Поясницей. Хочется выть,
как старый пес. И, как молодой, повизгивать.
Хочется не как пчела, а – Дух Святой. В самое темя
жалить! Хочется за все платить сполна! Хочется
создавать, как рождает женщина. Хочется верить,
как верят праведные. Хочется быть! Невинным,
как новорожденный. Мудрым, как старец. Ангелом и
зверем; Хочется за столом посредине сидеть.
По ясной дороге идти; По щиколотку в прозрачной
воде. В озере в форме бублика. Пританцовывать.

Небо

Быть сказочной птицей. Хохочущим дураком.
Нежной принцессой. Деревом. И цветком.
Быть холодным лезвием. Повитухой.
Открытым окном. Быть частью неба.
Небом занятым пустыком. Быть третьем сыном.
Зваться Иваном. Быть пустым. Слыть простаком.

Корабль

Кататься на саночках или на коньках?

Говорить правду или притворяться?

Если правду, то какую из?

Если притворяться, то каким?

Вопросы, как бумажные ласточки.

Ответы, как случайные совпадения слов.

Дерево стучится веткой в окно.

Дерево раскачивает, как шхуну.

Какое из тех имен, которыми тебя называют,

твое, о дерево?

Какой ты корабль?

Где берег твой?

И куда плывешь –

корнями в черную землю,

в белые облака ветвями?

поклажа

стою на цыпочках и жду
что мир меня таким счастливым запомнит
издалека с хвостом павлиньим на бегу
с почтовой сумкой на боку вблизи увидит

а я иду я все иду
куда не знаю но иду
зачем не знаю но иду
несу поклажу и иду

под небом ясненьким иду
под проливным дождем иду
по сахарной земле иду
и по заглавной улице иду знакомой

на ней как в детстве на лугу
молчит будильник и ку-ку
на ней я в беленьком свету
и крылья видно за версту

ла-ла-ла-ла

я удивительно устал
обворожительно свободен
я пуст как утренний вокзал
а зол смешон как иноходец

я абсолютно не у дел
я абсолютно существую
я бёг спешил я не успел
поставим точку запятую

я как оболтус
как шпана
веревка для белья
монета для размена

и вот пою ла-ла. ла-ла
и вот танцую тра-та. та-та
и лепечу хур-ма. хур-ма
и бормочу рефри.жератор

юнга

проснулся среди ночи в липкой полудреме
ошалелый как юнга в первом своем плавании
зажег свет в комнате будто стал
на нос судна под звездным небом
и сел на табурет в неосвещенной кухне
словно в трюм корабля спустился
из невода сердца рыбину в океан отпустил
написал на том что легло под руку
будоражащие воображение слова
пространство возможностей
вернулся в спальню потушил лампу
забрался под одеяло думая о малевиче
черном квадрате моряках и буддизме
о детстве опыте переживания пустоты
и слепом пью из любимой книги

я

каждый миг оно другое
словно небо голубое
словно с тучками у моря
словно солнце-апельсин
словно я плыву дельфин
словно два дельфина я
словно океан и суша
словно яблоко и груша
словно я улитка-слон
словно стол отец и дом
словно сахарный тростник
словно гадкая поганка
словно самогона банка
словно гречка и перловка
словно чехова двустволка
словно в темень выстрел свет
словно брат а не сосед
словно ласковая маша
словно я насильник паша
словно свитер я и кофта
словно я не я не я
словно родина моя
словно пьяный у забора
словно дерево в лесу

словно прыщик на носу
словно пальчик покажу
словно я моряк пожай
словно красный попугай
словно муха я цеце
словно крошка я пиранья
словно божие создание
каждый миг оно другое
и такое вот такое
и такое вот такое
и тропинка и песок
в поле чистый голосок
в небе ясный ветерок
это все моя родня
это все моя семья
а теперь дружок
нарисуй-ка свой кружок
и смотри
и снаружи и внутри
все снаружи
все внутри

перекати-поле

внутри облако
снаружи облака
а у тебя как?
а у тебя как?

подошвы тонут в горячий асфальт
макушка неба касается солнечная
а у тебя как?
как у тебя?

IV. НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА

Слово

Записываю себя ли? Музыку? Ноты? –
Гул. Крючки. Палочки; Будто малец,
не умею писать и не знаю букв;
Предчувствую не себя. Дословесную завязь
растений. Полноту. Целостность. Блаженство;
До страсти. До нежности; Не звукоряд.
Предощущение звукоряда; Любовь, словно
землю крот. В белизну дня. Ход сквозь
ярость роет; Не дерево. Образ сада.
Соцветия, корни, ветви, листья, прожилки.
Полновластная влага рожденья; Смех
и ликование цветов. На полях, засеянных
семенами отчаянья. Свобода сада. После
векового молчания деревьев; До слова
было безмыслие. До слова – и есть.

мужчина и женщина

мужчина и небо.

слово и небо.

птицы и небо.

женщина и берег.

океан и берег.

фауна и берег.

самолет-испытатель,

наземный корабль,

парусник сердца.

бережное присутствие,

тихое прикосновение,

неслучайная встреча.

МОЛИТВА

*делать ошибки открытия совершать
пиковая дама дама червовая а я что ли
не король крестовый а бубновый валет свежий
усталый глупый измученный память моих
заблуждений мои шаги по тропам сердечным
и в сердца глиняных баб с танцем мусульманским
с молитвой православной с хороводами на купала
с хари хари заветным что делаешь ты со мной
единый женщиной чему учишь на какие холмы
восходишь ступнями моими на какие дерзновения
силу даешь?*

черный боксер сердца

ты спрашиваешь меня как я
и я говорю great хорошо danke gut
иду туда куда мое сердце зовет
а правдой было бы сказать

что оно умирает во мне
лихое вольное неумное умирает во мне
резвонит как механический будильник советский
кричит как птица в утро последнее

а ночью никак не уснуть
закрою глаза приходит покойный Мохаммед
американский боксер мусульманский святой
и ринг в белом свету вместо канатов

стучит праведные боковые хуярит ангельские апперкоты
не вернуться мне победоносец от ударов твоих
не спрятаться от тебя о сердце мое
и на бок другой от себя не отвернуться

меланхолия

грустно невыносимо
моя кареглазая девочка
до чего грустно
что ничего у нас не повторится.
я погрущу немного:
о себе с тобой
о тебе без меня
о тебе капризной
о тебе сумасбродной.
о твоём теле
о твоей коже
о твоих ножках
о твоих запястьях
о твоей вагине.
о твоих всхлипах
о твоей беспомощности
о твоей стервозности:
какая же ты все таки сука
какая же ты все таки тварь
какая же ты все таки пчела
какая же ты все таки оса
рой ос.
я ничего тебе не прощу
я ничего тебе не забуду.

и ты, пожалуйста, сделай тоже самое
и ты, пожалуйста, сделай тоже
и ты, пожалуйста, сделай

Стик сахара

Хватаюсь за книгу. Звякает сообщением телефон.
Жую кусок торта. Выпиваю два кофе. Открываю ютуб.
Закрываю страницу в соцсетях. Стою под холодным
душем. Делаю с десяток отжиманий. Хватаюсь за
книгу. Выхожу в магазин. Картой или наличными?
Готовлю. Ем. Варю кофе. Забыл купить сахар. Ищу
стик в рюкзаке. Посыпаю творог. Открываю ютуб.
Трындим с приятелем. Включает обогрев машины.
Льет дождь. Возвращаюсь в квартиру. Зажигаю свет.
С подоконника капает вода. Запираю окно.
Опускаюсь на диван. Подтягиваю колени к груди.
Сижу обхватив ноги руками. Кладу голову на колени.
Говорю себе. Мой мальчик. Мой маленький. Мой
хороший. Глажу свое лицо. Руки. Тянусь за одеялом.
Укрываюсь с головой, не снимая одежды.

два самурая

они как два самурая
когда она лежит на нем после любви
они как два самурая
которые замертво лежат на поле боя
может на берегу уютятся песчаном
а может в райском саду пребывают
полную чепуху на ушко друг другу шепчут
полную белиберлю
эта женщина
этот мужчина

I. СМЕРТЕЛЬНЫЕ ПЕСЕНКИ	
камни	3
Русская ода	4
Памятник	5
смертельная лесенка	9
II. ПАМЯТЬ	
Сердце	10
Вечный огонь	11
Остров	12
Река	13
Короткий метр	14
Ванька	16
Бутерброд с вареной сгущенкой	18
III. ДОРОГА	
зов	23
Молоко	24
Ода пути	25
Коля и пустота	26
смеяться и падать, подниматься и хохотать	28
Быть	30
Небо	31
Корабль	32
поклажа	33
ла-ла-ла-ла	34
юнга	35
я	36
перекати-поле	38
IV. НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА	
Слово	39
мужчина и женщина	40
молитва	41
черный боксер сердца	42
меланхолия	43
Стик сахара	45
два самурая	46

Соломко Юрий

С60 Словно родина моя. – Днепр: Герда, 2021. – 48 с., серия «Тонкие линии».

ISBN 978-617-7639-74-8

Стихи и короткая проза. После восьмилетнего молчания. Автор свидетельствует, что данная книга не является результатом его тяжелого характера и/или кропотливого труда. Но есть плод земной любви ангелов.

УДК 82-1

Літературно-художнє видання

Юрій Соломко

НЕМОВ МОЯ БАТЬКІВЩИНА

(російською мовою)

Упорядник серії «Тонкі лінії» Станіслав Бельський

Обкладинка: Віка Шibaєва
Макет та верстка Misheal_D

Формат 60x90/16. Папір офсетний. Гарнітура MetaCyrRoman
Друк цифровий. Ум. друк. арк. 3,2. Тираж 150 прим.
Замовлення № 74/21

Видавництво «Герда» 49000, м. Дніпро, пр. Д. Яворницького, 60
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №397 від 03.04.2001 р.
book-shop.in.ua

ISBN 978-617-7639-74-8

Поэтическая серия «Тонкие линии»

Сергей Синоптик

Нужное зачеркнуть / 2020

Максим Бородин

Осторожно стекло / 2020

Ольга Брагина

Речь похожа на карманный фонарик / 2020

Антон Полунин

Does Marsellus Wallace look like a bitch? / 2020

Евгений Пивень

Всегда хотел чтобы в конце огорода росло огромное дерево / 2020

Александра Мкртчян

Испанская партия / 2021

Даниїл Задорожний

Небезпечні форми близькості / опасные формы близости / 2021

Александра Шевченко

Зимующи / 2021

Дмитрий Аверьянов

Хорошо, что я в море погиб / 2021

Юрий Соломко

Словно родина моя / 2021

ISBN 978-617-7639-74-8

9 786177 639748